

УДК 821.161.1.09

В. Г. Андреева

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

ИДЕЙНЫЕ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНОВ В. Г. АВСЕЕНКО «ИЗ БЛАГ ЗЕМНЫХ», «МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ», «СКРЕЖЕТ ЗУБОВНЫЙ»

Статья посвящена анализу трех романов В. Г. Авсеенко, рассматриваемых в контексте литературного процесса второй половины XIX века. Автор статьи считает, что такая жанровая характеристика как «антинигилистический роман» может быть применима к произведениям Авсеенко лишь отчасти, при условии верного и широкого толкования понятия «нигилизм». Авсеенко прекрасно уловил особенности и масштаб личности Толстого, а его суждения об «Анне Карениной» и его последующие романы показывают, что писатель попытался приблизиться к стилю Толстого. Но литературный путь Авсеенко представляет его не столько как подражателя, сколько как растущего автора. И перетекание тем из романа в роман, и возможность совмещения вечных проблем с животрепещущими вопросами позволяют говорить об аналитической работе Авсеенко. Его романы не претендуют на бытийственность, писатель не совершает перехода от «социального эпоса» к пафосу онтологическому, но разрабатывает важнейшие темы, неизменно присутствующие в эпическом романе.

Авсеенко, эпический роман, антинигилистический роман, реализм, жанровые определения, литературный контекст, заимствования, подражания, онтологические темы, ассоциативные ряды.

The article is devoted to the analysis of the three novels by Vasily Avseenko considered in the context of literary process of the second half of the 19th century. The author of the article considers such genre characteristics as the "anti-nihilistic novel" to be applicable to V. Avseenko's works only partially, on conditions that the "nihilism" concept is interpreted rightly and broadly. V. Avseenko perfectly caught the peculiarities and the scale of the personality of Leo Tolstoy, and his judgments about "Anna Karenina" and his subsequent novels showed that the writer tried to approximate to Tolstoy's style. However, V. Avseenko's literary way represents him as an advancing author rather than an imitator. Both themes' overflowing from novel to novel and possibility of combining of eternal problems with burning questions allow V. Avseenko demonstrating his analytical work. His novels don't claim to be existential, the writer doesn't make transition from the "social epos" to ontological pathos, though he works out crucial issues which are fixtures at an epic novel.

Vasily Avseenko, epic novel, anti-nihilistic novel, realism, genre definitions, literary context, borrowings, imitations, ontological themes, associative lines.

Введение.

В 1870-х гг. на страницах журнала «Русский вестник» один за другим выходят три романа Василия Григорьевича Авсеенко: «Из благ земных» (1872), «Млечный путь» (1875–1876), «Скрежет зубовный» (1878). Эти три романа вполне самостоятельны, с точки зрения сюжета не составляют трилогии, однако оказываются очень близкими благодаря сходным проблемам и вопросам, взгляду В. Г. Авсеенко на русскую действительность.

Основная часть.

В литературоведении указанным романам не уделялось достаточного внимания, что связано, по-видимому, с однозначными и нелестными характеристиками, приписываемыми в течение долгого времени и самому В. Г. Авсеенко, и его произведениям. В советском литературоведении Авсеенко называли чисто реакционным писателем, глашатаем исключительно дворянских интересов, а его романы – охранительными, ретроградными произведениями, весь смысл которых сосредоточен на разоблачении ниги-

листов и обличении новых демократических идей. Приведем для примера цитату из рассуждений А. И. Батюто о романе «Скрежет зубовный»: «Автор недвусмысленно подчеркивает его антинигилистическую тенденцию циничным указанием на то, что главный герой, преуспевающий адвокат-карьерист Безбедный, действующий в соответствии с принципом “глотай других”, ведет свою идейную родословную от демократов-шестидесятников» [3, с. 298]. Конечно, доля справедливости в приведенной цитате есть: Безбедный, действительно, карьерист, в романе подчеркнуто и его происхождение, доставлявшее герою немало страданий и бед (он внебрачный сын богатого барона), однако Авсеенко ни разу не упоминает о «демократах-шестидесятниках», даже не подразумевает их.

Определяя жанровую характеристику рассматриваемых романов Авсеенко, нельзя не оговориться об их широте, о множестве интересных вопросов, поднимаемых автором и не укладывающихся в такую характеристику, как «антинигилистический роман». Здесь мы сталкиваемся с проблемой классификации

и систематизации русского романа, связанной как с разнообразными положениями, лежащими в основе этих классификаций, так и с тем, что русский роман второй половины XIX века оказывается особым явлением, трудно поддающимся однозначным определениям. Русский роман второй половины XIX века в своих вершинных проявлениях – это эпический роман, и даже те образцы романов второстепенных, третьестепенных авторов, которые до широты и глубины эпического романа не дотягивают, все-таки шире каких-либо конкретных жанровых определений *содержательного* характера. Как отмечает Н. Я. Берковский, «русский роман всеобщ и русский роман в отличие от западного не допускает никакой дальнейшей специализации внутри себя по так называемым “проблемам”, темам и т. д. <...> Русский роман был памятником истории нации и народа, всякое более дробное и специальное понимание умаляет его» [4, с. 168].

В связи с указанной спецификой русского романа и его национальным своеобразием в литературоведении наряду со всем большим «дроблением» романов на группы, актуальна ныне и другая тенденция: систематического и целостного анализа романов разных видов в их соотношении с вершинной реалистической формой этого периода, с эпическим романом; уяснения большей или меньшей степени реализации в конкретных произведениях особенностей этой жанровой формы; определения места и роли того или иного романа в литературном процессе второй половины XIX века, в создании устойчивого набора национальных особенностей жанровой формы.

По нашему мнению, романы Авсеенко, как и многие другие романы русских писателей второй половины XIX века, лишь приближаются собственно к «эпическому роману». Однако без этих произведений, подготавливающих эпический роман (речь идет, в первую очередь, об эпических романах Толстого), создающихся параллельно ему, организующих необходимую основу для его существования, наконец, подражающих ему, само возникновение эпического романа как вершинного проявления всей русской реалистической литературы XIX века было бы невозможно, а существование его неестественно. Речь идет о романах не только первого, но также второго и третьего рядов, о беллетристике, а при всей кажущейся изученности русского романа второй половины XIX века, имеется еще достаточное количество произведений, не только не соотнесенных с общими тенденциями развития романа, но и не проанализированных целостно.

В литературоведении бытует представление, что роман «Млечный путь» был написан Авсеенко не только на основе подражания шедевр Толстого, но и по заказу М. Н. Каткова, однако стоит учитывать, что Авсеенко и в критических статьях, и в художественном творчестве удавалось делать интересные открытия и наблюдения: все всякого сомнения, Авсеенко перерастал самого себя как критика реакционного направления и создателя тенденциозных «романов на заказ».

Авсеенко принадлежат различные истолкования романа «Анна Каренина» и мысли по поводу творчества Толстого: от прямых, почти примитивных до не лишенных смысла и справедливости. С одной стороны, прав Э. Г. Бабаев, иронично передающий высказывания Авсеенко об «Анне Карениной» как великосветском романе: «Англофильство Авсеенко было подражанием либеральным идеям “Русского вестника”, которые уже были изжиты самим редактором, но которые, по-видимому, еще тешили его, когда он встречал их в статьях своих обозревателей и литературных критиков. <...> В этом духе он и хотел понять и истолковать роман Толстого» [2, с. 149]. Э. Г. Бабаев точно отметил, что прямолинейная критика и однозначная оценка романа «Анна Каренина» Авсеенко сыграла для Толстого не позитивную роль: «она навлекла на него (а отчасти и на “Анну Каренину”) настоящие гонения со стороны радикальной печати и общественного мнения» [2, с. 149]. С другой стороны, и «Млечный путь» самого Авсеенко оказался намного шире того «великосветского романа» («на английской подкладке», о котором он говорил как о нравственном и художественном идеале, и критика Авсеенко не всегда состояла из прославления высшего света и его законов.

Анализируя произведения современников, Авсеенко вырабатывал и объяснял и собственную «тактику», сформированную во многом за счет ориентации на произведения Толстого, Гончарова, Тургенева, Писемского: в его романах оказываются удачно вмещенными проблемы современности с изображением внутренней жизни героев, их сомнений. Авсеенко, как и его коллеги, писатели первого ряда, пристальное внимание обращает на человека, личность, ее формирование и развитие. Он постарался показать, как в различных, по сути нигилистических общественных объединениях, будь то «новая семья»; союз мужчины и женщины, не основанный на законном браке; благотворительное общество, созданное исключительно для развлечения самих благотворителей; акционерное общество, товарищество, основанные на лжи и обмане, человек выступает лишь как агент разнообразных закономерностей, условий и обстоятельств.

В романе «Из благ земных» Авсеенко показывает героя, одержимого идеей обогащения. Отчасти наследованная им (отец Ильяшева всю жизнь копил деньги и держал семью в нищете), данная идея трансформируется у Ильяшева в неудержимое рвение к роскошной жизни, к общению с высшим кругом. Как и Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина» и, скорее всего, именно вслед за ним, Авсеенко показывает нездоровую страсть Юхотского и Раисы Михайловны («Млечный путь»). Платон Юхотский, долгое время изучавший науки за пределами России, возвращается на Родину, где находит вдовой свою старую знакомую, Марью Константиновну. Сначала чувства к Мане кажутся ему прежними, нежно-дружескими, но читателю быстро становится понятно взаимная симпатия героев. Между тем, Маня воспитывает сына, искренне ответить на чувства Юхотского ей мешает боязнь того, что Юхотский не сможет полюбить мальчика как своего собственного ре-

бенка, а сама Маня, выйдя за Платона замуж, в чем-то ущемит сына. Мастерски и очень проникновенно описана автором сцена расставания Мани и Юхотского. Читатель понимает, что нет достаточных оснований для расставания этих героев, наоборот, вынужденное прощание приносит боль и терзания обоим: «Она решилась взглянуть на него, как будто не доверяя звуку его голоса. Ей казалось, что один взгляд на это открытое, доброе, милое лицо рассеет все, что мучило и томило ее. В нервно-вытянувшихся чертах она увидела что-то упорное, стальное. Ей страшно было прочесть это выражение» [1, 1875, 10, с. 759]. Между тем, чувство между героями не исчезает, Маня, кажется, уже и готова ответить герою взаимностью, но тут появляется Раиса Михайловна Бахтиарова – замужняя красавица, которая сводит Юхотского с ума. Мотив бесовской, страшной красоты и ее влияния на героя очень ярок в романе. Сама Бахтиарова в разговоре с Юхотским замечает, что ни за что не обменяла бы свой скверный характер и проясняет ему силу своего оболения: «Вы думаете, оттого что я красива, что мне поклоняются, что я могу исполнять малейшие капризы? Да, пожалуй, и от этого, сказала она, – но только отчасти. А больше всего я люблю себя за то, что во мне бес сидит и мне с ним бывает весело» [1, 1875, 10, с. 780].

В «Млечном пути» Авсеенко, как и многие русские писатели, показывает, что пагубна для человека и окружающих его страсть без любви, что она подчиняет себе все, ограничивает, сужает круг жизни человека. Дьявольская сила, поддерживающая страсть Раисы Михайловны, настолько прочно завладела ее душой, что героиня не мыслит себя без нее. Это подтверждается открытым признанием Юхотскому. Бахтиарова постепенно завладевает умом и сердцем Юхотского, причем сам герой это осознает, но долгое время не может противиться подобной силе. «Когда я еще не находился так безвозвратно в вашей власти, когда я еще только подозревал то, что нам готовило наше сближение, я глядел вперед с непобедимым страхом, я вам говорил, что это будет большое несчастье» [1, 1875, 11, с. 628]. Анализируя чувства героев и их поведение, читатель понимает, что Раисе Михайловне Юхотский нужен не как личность, а как источник силы и энергии, с помощью Юхотского Раиса пытается вырваться из угнетающей атмосферы светского круга, но на самом деле это не так: не о своем спасении думает она, а о гибели другой души, остающейся до сих пор светлой в мире лжи и обмана: «Есть нравственная необходимость в нашем сближении. С тех пор как я... как это случилось... я замечаю как будто вокруг меня светлее стало. В темноте я чувствую вашу руку – в той темноте, которая во мне самой и в том, что меня окружает» [1, 1875, 11, с. 628].

Итак, в «Млечном пути» все противоречия стягиваются в одно глобальное противопоставление праведной жизни и порочного существования, и этот масштабный, онтологический конфликт приближает «Млечный путь» к эпическому роману. Законы, по которым живут герои в художественном мире романа, воспринимаются как законы мира реального,

точнее, практически и являются ими, перед читателем оказывается не абстрагированная реальность. Все события и компоненты изобразительности, начиная от деталей и заканчивая героями, оказываются взаимосвязанными, обуславливающими друг друга. Авсеенко мастерски перенимает многие сюжетные ходы и приемы, использованные Л. Н. Толстым, ориентируется на ряд проблем, затронутых и рассмотренных в «Анне Карениной»: так, Авсеенко заставляет Юхотского задумываться над вопросами, типичными как раз для эпического романа. В первую очередь, речь идет о национальной идее, о возможности гармоничного совмещения в жизни личного и общественного интереса, о месте человека в мире, о его духовной жизни, методах борьбы с враждебной силой.

Нельзя не учитывать ориентации Авсеенко на творчество Толстого, ведущих русских романистов второй половины XIX века, однако талант этого писателя вполне самобытен, а романы заслуживают системного и глубокого анализа. Авсеенко показал себя как тонкий психолог и знаток человеческих душ. Им созданы интересные характеры и типы, необыкновенно обогащающие художественный мир его произведений.

Как и Толстой, Авсеенко показывает, как жизнь во многих светских семьях превращается в драматическую комедию. В такой ситуации в «Млечном пути» оказались Жак и Юлия Владимировна Лазориновы, абсолютно по-разному смотрящие на действительность, имеющие разные ценности. Постоянные скандалы, истерики, притворства Юлии Лазориновой, требующей от мужа денег, вынуждают Жака искать спокойствия и счастья вне семьи. Несчастливая личная жизнь, по Толстому и Авсеенко, закрывает человеку прямой путь к людям, к миру.

Но литературный путь Авсеенко показывает его не столько как подражателя, сколько как растущего автора. И перетекание тем из романа в роман, и возможность совмещения вечных проблем с животрепещущими вопросами позволяют говорить об аналитической работе Авсеенко. Его романы не претендуют на бытийственность, автор не совершает перехода от «социального эпоса» к пафосу онтологическому, но разрабатывает важнейшие темы, неизменно присутствующие в эпическом романе. Романы Авсеенко не претендуют на эпические, поскольку автору не выстроить системы контрастов из-за отсутствия положительного полюса жизни, *народных* чаяний и надежд. У писателя другая цель, заключающаяся в полном и всестороннем анализе светской жизни, в указании на ее пустоту и никчемность. Однако повторим еще раз, что без этой линии романов о высшем свете трудно представить себе появление эпических романов. Глобальное противопоставление света и тьмы, реализованное Авсеенко, приводит читателя к выводу о где-то существующем резерве настоящих, искренних светлых чувств и возможном их торжестве.

Авсеенко подчеркивает, что демонический характер светской жизни притягателен для искренних людей: хищническая громада и питается энергией мо-

лодых сердец, быстро превращая их в механизмы, бьющиеся с особым ритмом. Вспомним, как Липочка, уже частично соприкоснувшаяся с обманом жизни, усиленно рвется к этому миражному существованию за своим окном в Петербурге: «Жизнь волновалась в непрерывном кипении под ее окном и уже не казалась ей такою веселою, радостною и счастливою. В глухом, невнятном гуле, доносившемся снизу, она слушала крики нищеты и порока, наглуго радость и скрежет зубовой. Но еще сильнее, чем когда-нибудь она хотела принадлежать этой жизни, с ее горем и радостями, со злобой и счастьем, с торжеством и скрежетом зубовым» [1, 1878, 1, с. 307].

В романе «Скрежет зубовой» авторский идеал жизни и поведения выкристаллизовывается благодаря сопоставлению и противопоставлению героев, волею судьбы или по своему желанию оказавшихся рядом и в разной степени влияющих друг на друга. К эпическому роману данное произведение приближает количество героев, судьбы которых перекликаются и на уровне сюжета, и на уровне ассоциаций и скрытых параллелей. Конфликт Липочки и Безбедного, в котором читателю приходится разбираться на протяжении всего романа, сопровождается массой второстепенных, но очень важных для всего художественного мира произведения столкновений. Читатель знакомится с историей жизни Безбедного, узнает о его происхождении, чаяниях, мечтах. Не оправдывая адвоката и его поведения, читатель приходит к осознанию стремлений Безбедного к светской, роскошной жизни. Вместе с тем, история детства адвоката расширяет пространственные и временные рамки романа, оказывается связанной с его поступками и планами (Безбедному удастся отомстить сводному брату барону, втянув его в невыгодное дело с акциями).

Кроме взаимоотношений Безбедного и Липы в «Скрежете зубовом» мы видим истории других героев, некоторые из которых предстают достаточно изолированными от центрального конфликта. Так, читатель видит, как до встречи с Липой, приехавшей в Петербург, Безбедный увлекается княжной Полиной. Далее историю этой героини мы прослеживаем до самого конца романа. Полина, оказываясь не в состоянии более выносить жизнь в родном доме, где ей и шагу ступить невозможно без замечаний отца-самодура, выходит замуж за первого попавшегося жениха. Этот молодой человек, составляющий брак по расчету и тщательно высчитывающий капиталы невесты, увлечен лишь внешним лоском и обстановкой. В итоге складывающийся союз Полины и Коко семьей не оказывается, он с самого начала обречен. Авсеенко показывает читателю одну из возможных ошибок, стремительно разрушающую жизнь людей. Абсолютно разные по убеждениям и внутреннему содержанию, Полина и Коко на первых порах оказываются похожи, что, разумеется, не с лучшей стороны характеризует героя: «Действительно, в их внутреннем быту, в их обстановке, в том к чему они оба стремились и чего они оба требовали от жизни, отсутствовали самые обыкновенные и необходимые признаки мужского ума и мужской воли. Коко, точно так же, как и Полина, понимал жизнь только под ус-

ловием совершенно приятной и легкомысленной праздности, как женщина никогда не тяготится обществом самых ненужных ему людей и как женщина считала, что тайна познания добра и зла заключается в умении во всех случаях жизни сохранить точку зрения человека, вращающегося в свете» [1, 1878, 3, с. 127].

Однако Полина намного умнее своего мужа, она еще и чуткая женщина, не могущая жить лишь сплетнями. Полина чувствует в себе нереализованные силы: «Я не знаю, что такое происходит во мне, говорили эти глаза, но я вся устала от истомы бездействия. Я тлею в каком-то сыром и холодном дыму. Я не хочу тлеть. Я не хочу этой истомы бездействия, этого ощущения связанных сильных крыльев» [1, 1878, 3, с. 144]. Наконец, Коко оказывается представленным в самом жалком и комичном свете, Полина всерьез увлекается Волынским; в финале романа Полина уезжает путешествовать вместе с Волынским, своим «пожилым женихом», а ее законный муж Коко едет с ними, потому что это очень выгодно и занято: «Он тоже отправлялся “вожировать”. Это была внезапная, но блестящая идея. Со свойственной ему гениальностью он сообразил, что Волынский, едущий за границу при таких исключительных условиях, будет непременно тратить там очень много денег, и что поэтому находиться около него и жены положительно стоит» [1, 1878, 11, с. 355].

Мы достаточно подробно остановились на этой истории, чтобы показать, как параллельно с основной сюжетной линией в романе автор выстраивает второстепенные, побочные линии, которые способствуют созданию целостной, широкой картины русской столичной жизни, которые в своей пестроте не разбегаются в разные стороны, но выражают общую авторскую идею. Расчетливая светская дама Олжанская, пытающаяся развестись с мужем и выйти замуж за богатого дельца Карича; бедный помощник адвоката Молостов, тайне завидующий ему, страстно влюбленный в Липочку, видящий во всей столичной жизни злую силу, но не способный противостоять ей; красавица Дина Лохвацкая, исследующая чужие страсти и слабости, коллекционирующая их, но сама избегающая какого-либо проявления чувств и эмоций – все перечисленные выше и другие, не упомянутые нами герои романа, своим существованием, своими судьбами в художественном мире подтверждают бессмысленность светской жизни, отсутствие в ней настоящих ценностей, опасность откровения в обществе лжи и обмана, постоянно разворачивающуюся и обостренно происходящую борьбу полярных сил за души людей.

В новых условиях, во время формирования буржуазного общества злободневными «вопросами», как понимают русские романисты, уже не обойтись. Проблема личности, мировоззрения человека и ощущения им себя, общения и контакта с окружающим миром становится одной из насущных в русском романе второй половины XIX века. Одной из важнейших особенностей русского романа и особенностью, обязательной для эпического романа, является наличие двусторонних связей между человеком и обществом. Герой эпического романа живет не

просто в среде, он невидимыми нитями связан со множеством других людей, эти связи чувствует и пытается осознать. Причем для эпического героя важен как сам процесс познания, приносящий удовлетворение именно ему как личности, так и тот факт, что в результате он открывает для себя другого человека. Духовное обогащение для героя эпического романа немислимо в отрыве от мира.

Еще одной особенностью, характерной для эпического романа и нашедшей реализации в «Млечном пути» и «Скрежете зубовном», является стремление писателя отождествить изображаемый им мир с миром реальным, соединить художественный мир произведения с жизнью. Так, Авсеенко умело и тонко использует различные приемы для воссоздания в романе текущей, естественной жизни. Во-первых, финалы его романов не обрываются законченными выводами, герои не приходят к окончательному итогу, читатель словно перестает наблюдать за ними. Во-вторых, в художественном мире романа читатель иногда встречает краткие, но очень емкие суждения о характере времени и людях. Приведем пример. Во время первой встречи Липочки и Безбедного в Петербурге герой пытается внушить девушке удобную для него схему жизни, так, видя перед собою беззаветно, самоотверженно любящую Липочку, Безбедный убеждает ее: «В наше время роковые страсти сделались достоянием людей ни к чему более не годных; да и те, я думаю, больше врут» [1, 1878, 1, с. 252]. В-третьих, повествователь иногда появляется в романе на определенное время в виде героя-наблюдателя, участника разворачивающихся событий, иногда он еще и использует этот случай, чтобы указать на реальность рассказываемой им истории. Так, повествователь в романе «Скрежет зубовный» оказывается в списке гостей, приглашенных Полиной на семейный обед: «Автор этого скромного повествования также удостоился приглашения. <...> Я нашел у Луховецких довольно значительное общество и в том числе многих из тех, кому выпала более или менее значительная роль в этой совершенно не вымышленной истории» (Курсив мой. – В. А.) [1, 1878, 9, с. 75–76]. Наконец, автор может аналитически соотносить действительное с вымыслом, отмечая при этом свой выбор. Интересным примером служат рассуждения в «Скрежете зубовном» о финале романа. Барон Андрей – герой, игнорирующий светское общество и в этом плане очень близкий самому автору, – отвечая на вопрос Липочки о будущем, рас-

суждает и о финале романа, и о судьбе героини. Повествователь далее следует словам Андрея, выгодно представляя свой роман как запечатленную жизнь: «Вам кажется, что непременно надо что-нибудь с собой сделать? Закончить роман эффектной развязкой? Так ведь этого только от авторов требуют, а в жизни обыкновенно все так бывает: пытаются, пробуют выскочить из своего ничего и опять в него возвращаются. Вернетесь домой, будете потихоньку жить, вспоминать, скучать» [1, 1838, 11, с. 332].

Выводы.

Таким образом, мы видим, что по ряду параметров романы Авсеенко приближаются к романам эпическим, хотя таковыми и не являются. Писатель не ставил перед собой задачи полного и всестороннего изображения жизни, представления глубокого и целостного взгляда на все слои населения. Однако глобальные проблемы, поднятые Авсеенко, способность писателя за минутным и внешним показать сложную духовную жизнь ряда героев, интерес к характерам, создание сложных и противоречивых образов, четкое видение перспектив тех жизненных процессов, которые он изображает, воплощение в художественных мирах многочисленных переключек и сложных соответствий характеризуют произведения Авсеенко как романы, наиболее приближенные к эпическим (пусть, частично и за счет подражаний и освоения находок других писателей), создающие необходимый фон для бытования эпического романа.

Литература

1. Авсеенко, В. Г. Скрежет зубовный / В. Г. Авсеенко // Русский Вестник. – 1878. – №5. – Здесь и далее произведения В. Г. Авсеенко цитируются по журналу «Русский вестник». Ссылки в тексте даны в круглых скобках с указанием года, номера журнала (месяца) и страницы.
2. Бабаев, Э. Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи / Э. Г. Бабаев. – М., 1978.
3. Батюто, А. И. Антиингилистический роман 60–70-х годов / А. И. Батюто // История русской литературы: в 4 т. Т. 3. – 1982. – С. 279–314.
4. Берковский, Н. Я. О мировом значении русской литературы / Н. Я. Берковский. – Л., 1975.
5. Вердеревская, Н. А. Русский роман 40–60-х годов XIX века / Н. А. Вердеревская. – Казань, 1980.
6. Гиришман, М. М. Ритм художественной прозы / М. М. Гиришман. – М., 1982.

УДК 82.0

А. В. Белова

Череповецкий государственный университет

ПОНЯТИЕ АНАЛИЗА В «АНАЛИТИКАХ» АРИСТОТЕЛЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

В статье рассматривается понятие анализа в основных трудах Аристотеля по логике «Аналитика первая» и «Аналитика вторая», входящих в состав Органона. Предпринимается попытка соотношения понятийного аппарата логики и литературоведения. Предметом исследования становятся учение Аристотеля о силлогизме и его теории доказательства. Цель работы –